

Сергей Чувашов

Пепел твоего сердца

Сергей Чувашов

Пепел твоего сердца

<https://litres.ru/73494614>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую весну деревня Угольный Лог платит дань: юная девушка восходит на Скорбный утёс, чтобы утолить гнев Дракона. В этом году жребий падает на Лию, безликую сироту, чья жизнь никогда не стоила и ломаного гроша. Она готовится к смерти, но, когда над утёсом смыкаются тени, происходит необъяснимое. Чудовище не сжигает её. Вместо этого перед ней предстаёт юноша с глазами, полными вселенской тоски и огня. Эйтан — проклятый князь, обращённый в зверя древней магией.

Он ждал не просто жертву, а ту, чья кровь способна разорвать круг тысячелетнего одиночества. Но их внезапная связь пробуждает древнее зло, что дремало в недрах гор. Теперь им предстоит бежать от охотников, разгадать тайну своего рода и решить: станет ли их любовь спасением мира или последним пеплом, что развеет ветер.

Содержание

ГЛАВА 1: Цветок на снегу	4
ГЛАВА 2: Тот, кто помнит пламя	13
ГЛАВА 3: Чертоги памяти	23
ГЛАВА 4: Голос из бездны	34
ГЛАВА 5: Серебро в крови	44
ГЛАВА 6: Дитя двух миров	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сергей Чувашов

Пепел твоего сердца

ГЛАВА 1: Цветок на снегу

Весна в Угольном Логу всегда пахла пеплом.

Это был тяжёлый, оседающий на зубах запах, от которого першило в горле. Снег сходил не водой, а черной жижей, обнажая обугленные пни и серые валуны, похожие на спины уснувших чудовищ. Деревня лежала в каменной чаше, стиснутая горами так сильно, что небо над головой казалось плоской грязного холста.

Лия любила это время меньше всего.

Не потому, что весна означала грязь и холод, к этому она привыкла. А потому, что весной приходил черед жертв.

Она стояла на коленях у ручья, выполаскивая ветхое белье. Вода была ледяной, руки давно онемели и покрылись гусиной кожей, но тётка велела справиться до темноты, иначе – подзатыльник, а то и ремень. Рядом на камне сидела младшая дочь тётки, Алёна, и, жеманно надув губы, рассматривала свое отражение в спокойной воде.

– Слышала? Говорят, в этом году жребий будет тяжелым, – протянула Алёна, поправляя платок, который был куда новее и чище, чем вся одежда Лии. – Староста вчера к знахарке

ходил. Знамение, видите ли, недоброе. Дракон недоволен.

Лия молча тёрла ткань, вжимая камень сильнее. Ей нечего было сказать. Сплетни о драконе были единственным развлечением в деревне, но для нее они звучали приговором. Каждый год в день таяния льдов деревенские собирались на площади, и староста тянул из глиняного кувшина щепку с именем. Та, чьё имя называли, надевала белое платье, которое хранилось в амбаре и пахло мышами, и шла на Скорбный утёс.

Никто не возвращался.

В прошлом году увели Кузнецову дочку. Она была красивая, румяная, пела звонкие песни. Лия помнила, как та шла по главной улице – бледная, с остановившимся взглядом, – а материнский крик стоял такой, что, казалось, даже горы вздрагивали.

– Хорошо, что я в этом году замуж выхожу, – продолжала щебетать Алёна. – Замужних не берут. Да и вообще, говорят, дракон выбирает только чистых. А ты у нас кто? Сирота безродная, можешь и не мечтать.

Она засмеялась, и смех ее колючками разлетелся по пустынному берегу.

Лия промолчала. Она никогда не мечтала. Мечты – это роскошь для тех, у кого есть будущее. А у нее было только сегодня. И сегодня ей нужно было развесить белье, натаскать воды из колодца, начистить картошки, затопить печь и успеть сбежать к старой Меланье за травами, пока та не усну-

ла.

В свои семнадцать Лия выглядела на все тридцать – сутулая, тихая, с глазами цвета осенней травы, в которых давно погас огонь. Волосы вечно спутаны и спрятаны под грязным платком, щеки впалые, ладони шершавые, как кора. Никто не смотрел на нее как на девушку. На нее смотрели как на рабочую скотину.

Тётка говорила: «Ты нахлебница, мы тебя из милости держим». И Лия кивала, зная, что правда в другом: ее держали потому, что чужие руки всегда пригодятся в хозяйстве. А если бы не держали – она бы просто умерла с голоду в какой-нибудь канаве. Или пошла бы на утёс раньше срока.

Вечером, когда солнце окрасило снежные шапки гор в болезненно-розовый цвет, в деревне ударили в колокол.

Звук был низкий, надтреснутый, он плыл над крышами и оседал в груди тяжелым камнем.

Лия в это время возилась в хлеву, подкладывая сено тощей козе. Услышав звон, она замерла, и коза ткнулась влажным носом ей в ладонь, требуя внимания.

– Тсс, – прошептала Лия, прислушиваясь.

Колокол бил ровно три раза. Значит, сбор. Все на площадь.

Она вышла из хлева, отряхивая подол. Сердце билось где-то в горле, хотя какой резон ей бояться? В кувшине лежало пятьдесят щепок. Пятьдесят женских имен от шестнадцати до двадцати лет. Ее имя там тоже было. Тётка, когда перепи-

сывали список, скрепя сердце, вписала «Лия, сирота». Потому что правила есть правила.

Но шанс был один к пятидесяти. Почти незаметный.

Она пошла к площади, стараясь держаться в тени заборов.

Площадь гудела. Горели факелы, бросая пляшущие тени на суровые лица мужиков и испуганные глаза баб. Староста, толстый, с багровой физиономией, стоял на возвышении рядом со старым жрецом. Жрец был сморщенный, как печёное яблоко, и пахло от него ладаном и тленом.

– Молчать! – рявкнул староста, и гомон стих.

Жрец поднял руки к небу, что-то забормотал на древнем языке, который никто не понимал, но все боялись. Потом он запустил иссохшую руку в кувшин.

Тишина стала такой плотной, что Лия слышала, как у соседки стучит сердце. Или это у нее самой стучит?

Жрец поводил рукой внутри кувшина, будто выбирая, и вытащил щепку.

В свете факелов он долго всматривался в корявые буквы. Лия увидела, как дёрнулся кадык на его морщинистой шее.

– Лия, – прошамкал он. – Двадцать лет, сирота, проживает в семье плотника Захара.

Имя упало в тишину, как камень в омут.

Все головы повернулись. Лия стояла у заднего забора, и десятки глаз впились в нее – кто с ужасом, кто с облегчением, кто с тупым любопытством. Тётка, стоявшая в первом ряду, издала какой-то сдавленный звук, похожий то ли на всхлип,

то ли на вздох облегчения.

– Это ошибка, – вдруг выкрикнула Алёна, выскакивая вперед. Жених дёрнул ее за руку, но она вырвалась. – Она же ничья! Она сирота, она не считается! Она не из нашего рода!

– Молчи, дура! – рявкнул на нее отец, Захар. Он быстро глянул на Лию и отвёл глаза. В этом взгляде было все: и стыд, и страх, и равнодушие.

Староста нахмурился.

– Жребий есть жребий. Боги указали. Кровь не важна, важно девство. Она чиста?

Женщины загомонили, закивали. Какая там чистота, когда она пасла коз и таскала воду, у нее и мужика-то отродясь не было, замарашка.

– Значит, завтра на рассвете проводим, – подвел черту староста.

Лия стояла, не в силах пошевелиться. В ушах гудело. Тот самый колокол, что бил час назад, теперь звенел у нее в голове.

«Я умру завтра», – пронеслась мысль, удивительно спокойная и ясная.

Она ждала, что нахлынет ужас, что ноги подкосятся, что захочется бежать, кричать, царапаться. Но внутри было пусто. Только легкое, щемящее сожаление о том, что так и не попробовала тёплого хлеба с мёдом, о котором рассказывала заезжая торговка. И о том, что весна в этом году все-таки пришла, а она уже не увидит, как распустятся почки на кри-

вой берёзе за околицей.

Толпа расступилась, пропуская ее. Никто не подошёл, не обнял. Это была плохая примета – трогать обречённую. Только старуха Меланья, та самая знахарка, к которой Лия ходила за травами, вдруг схватила ее за руку. Пальцы у старухи были холодные и цепкие, как птичьи лапки.

– Помни, девочка, – прошептала она, заглядывая Лии в глаза своими бельмастыми глазами. – Дракон – это не всегда смерть. Иногда это дверь. Не зажмуривайся, когда он придёт. Смотри в глаза.

Лия не поняла, что это значит, но кивнула. Меланья отпустила ее и растворилась в толпе быстрее, чем тающий снег.

Ночь Лия провела в хлеву. Тётка не пустила ее в дом, велев собираться с Богом, и чтобы не накликала беду на семью. Белое платье, перешитое из старой простыни, висело на гвозде. Оно было холодное и скользкое на ощупь.

Лия не плакала. Она сидела на охалке соломы, обхватив колени руками, и смотрела, как в щели сарая пробивается лунный свет. Коза рядом вздыхала и жевала свою жвачку. Это было единственное живое существо, которое, кажется, сожалело о том, что она уходит.

Перед рассветом за ней пришли.

Две старухи, повитухи, натянули на нее это дурацкое платье. Холод продирал до костей. Они распустили ей волосы, расчесали колтуны жёстким гребнем, отчего Лии казалось, что с нее сдирают скальп, и надели на голову венок из сухой

прошлогодней травы. В руку сунули зажжённую свечу.

– Иди, – сказали они и подтолкнули к двери.

Улица была пуста. Все ставни закрыты. Никто не хотел видеть, как жертва уходит навстречу смерти. Только чья-то собака тявкнула издалека, да ветер гонял по земле позёмку.

Лия пошла. Она миновала околицу, прошла мимо кривой берёзы, оставила позади последние огороды. Тропа вела вверх, в горы, туда, где черной пикой торчал Скорбный утёс. Снег здесь был глубже, идти было тяжело. Тонкие кожаные туфли, выданные для ритуала, промокли мгновенно, ноги потеряли чувствительность.

Рассвет окрасил небо в цвет запёкшейся крови. Лия поднялась на утёс и остановилась.

Внизу, далеко-далеко, чернела полоской деревня. Там дымили трубы, там просыпались люди, которые будут жить дальше. Там осталась тётка, которая уже делит ее закуток, и коза, которую теперь будет доить кто-то другой.

Впереди был только камень и пустота.

Она ждала.

Никто не знал, как именно является Дракон. Одни говорили – из туч, другие – из расщелины в скале. Лия просто стояла, и платье ее трепал ветер, а свеча давно погасла, рассыпав последний пепел ей на руку.

Тишина давила.

А потом земля дрогнула.

Легко, едва заметно, как если бы под толщей камня вздох-

нуло огромное существо.

Лия подняла голову.

Солнце уже показало край над горами, но свет вдруг померк. Нет, не померк – его заслонила тень. Огромная тень упала на утёс, накрывая Лию с головой. В воздухе запахло грозой и гарью. Запахло чем-то первобытным, древним, от чего кровь в жилах должна была застыть.

Лия вспомнила слова Меланьи: «Не зажимайся».

Сердце колотилось так, что ребра трещали, но она заставила себя смотреть вверх, откуда надвигалась тьма. Глаза слезились от ветра, но она не моргала.

Тень уплотнилась, сгустилась в одну точку прямо перед ней, на краю утёса. Воздух задрожал, пошёл рябью, как вода в летний полдень. Лия отшатнулась, но ноги не слушались. Она видела, как из этой дрожащей пелены проявляется фигура.

Но это не было чудовищем с чешуёй и клыками.

Сначала она увидела руки. Сильные, бледные, мужские руки. Потом – широкие плечи, прикрытые чем-то темным, похожим на сгоревший шёлк. Потом – лицо.

Это было лицо, которое могло принадлежать либо богу, либо падшему ангелу. Острые скулы, тонкие, почти женственные губы, и глаза. Глаза, в которых полыхал огонь. Самый настоящий, живой огонь янтарного цвета, с вертикальными, кошачьими зрачками.

Перед ней стоял юноша. Его черные волосы развевались

на ветру, хотя ветра не было. Он был прекрасен настолько, что это причиняло боль. И он смотрел на Лию не как на еду.

Он смотрел на нее с недоумением, смешанным с чем-то очень древним и очень усталым.

– Ты не кричишь, – сказал он. Голос его обжёг, прошёлся бархатным пламенем по коже.

Лия открыла рот, но звука не вышло. Она перевела взгляд ниже, на его грудь, и увидела, что кожа его покрыта едва заметным узором – тонкой, словно выжженной паутиной чешуи, которая вспыхивала и гасла в такт дыханию.

– Ты... дракон? – спросила она. Голос прозвучал хрипло и сипло, но удивительно спокойно.

– Эйтан, – поправил он, делая шаг к ней. – Меня зовут Эйтан. И я ждал тебя очень, очень долго.

ГЛАВА 2: Тот, кто помнит пламя

Лия смотрела на него и не могла пошевелиться.

Ветер трепал подол ее дурацкого белого платья, бросал в лицо колючую снежную крупу, но она не чувствовала холода. Только жар, исходящий от него, – сухой, обжигающий, проникающий под кожу, словно она стояла слишком близко к раскалённой печи.

Эйтан.

Имя упало в ее сознание, как искра в сухую траву.

– Ты... – она сглотнула, пытаясь собрать мысли воедино.
– Ты должен меня убить.

Это не было вопросом. Это была констатация факта, единственная истина, которую она знала о мире с самого детства. Дракон приходит за жертвой. Дракон забирает девушку. Девушка не возвращается.

Эйтан склонил голову набок, и в этом движении промелькнуло что-то нечеловеческое – слишком плавное, слишком текучее для обычного тела. Огонь в его глазах пульсировал в такт сердцебиению, которого Лия не слышала, но почему-то чувствовала.

– Убить? – переспросил он, и в голосе его проскользнула горькая усмешка. – Я убивал. Сто лет. Двести. Я перестал считать после первой тысячи.

Лия моргнула.

Тысяча лет?

Он выглядел на двадцать, от силы на двадцать пять. Но узор на его коже – чешуйчатая вязь, мерцающая в утреннем свете, – говорил о чем-то древнем, вышедшем из тех времён, когда эти горы были еще молоды, а на месте деревни шумело море.

– Тогда зачем? – выдохнула она. – Зачем ты забирал их? Зачем я здесь?

Вопрос повис в воздухе. Эйтан отвёл взгляд, посмотрел куда-то вдаль, туда, где внизу чернела деревня. Солнце уже поднялось выше, и лучи его золотили снежные шапки, но до утёса свет почти не доходил – слишком много тени от скал, слишком глубоко запрятано это место.

– Я не забирал, – тихо сказал он. – Я принимал.

Лия не поняла.

– Это одно и то же.

– Нет. – Он резко обернулся, и пламя в его глазах полыхнуло ярче. – Когда забирают – крадут. Когда принимают – дают. Мне не нужна была их смерть. Мне нужна была...

Он осёкся, сжал челюсть так, что желваки заходили под бледной кожей.

– Что? – Лия сделала шаг вперед. Страх отступил, сменился чем-то другим. Любопытством? Отчаянием? Ей было все равно. Она уже мертва, по крайней мере для тех, кто остался внизу. Значит, может позволить себе задавать вопросы. – Что тебе было нужно?

Эйтан посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом. От этого взгляда по спине побежали мурашки, но не холодные – горячие, как если бы он касался ее не глазами, а пальцами.

– Ты правда хочешь знать? – спросил он. – Или просто тянешь время перед смертью?

– Я не боюсь смерти, – ответила Лия, и это было чистой правдой. – Я никогда не боялась. Бояться можно только того, что любишь. А я не люблю эту жизнь.

Она сама не поняла, зачем сказала это. Вырвалось само, выплеснулось наружу, как вода из переполненного ведра. Стыдно не было. Перед кем стыдиться? Перед чудовищем, которое может испепелить ее одним взглядом?

Эйтан молчал долго. Так долго, что Лия начала думать, не обидела ли она его. Но потом он сделал то, чего она никак не ожидала.

Он улыбнулся.

Улыбка изменила его лицо до неузнаваемости. Исчезла вековая усталость, исчезла отстранённость. Перед ней стоял просто юноша – красивый, почти до боли, но живой. Настоящий.

– Ты первая, кто сказал мне это, – произнес он. – За сотни лет – первая.

– Сказала что?

– Что не боится. – Он шагнул ближе. Теперь между ними было не больше метра. Лия чувствовала жар, исходящий от его тела, видела, как воздух вокруг него дрожит. – Они

все боялись. Кричали, плакали, молили. Некоторые пытались бежать, прыгали с утёса, разбивались о скалы. А некоторые... некоторые смотрели на меня с такой ненавистью, что я чувствовал ее, как ожог. Но ты...

Он протянул руку и коснулся ее щеки.

Прикосновение обожгло. Но не больно – странно, сладко, так, что перехватило дыхание. Лия дёрнулась, но не отстранилась. Ладонь его была горячее, почти обжигающей, но кожа оставалась целой. Она чувствовала под пальцами шероховатость – те самые чешуйки, что росли на его руке, начинаясь от запястья и уходя под рукав.

– Ты смотришь на меня, – тихо сказал он. – Не сквозь. Не с ужасом. Ты видишь меня.

– А что я должна видеть? – прошептала Лия.

– Чудовище.

Она покачала головой. Движение вышло неуклюжим, потому что его ладонь все еще лежала на ее щеке, и мыслей в голове не осталось – только этот жар, только этот запах грозы и дыма.

– Чудовища не улыбаются, – сказала она. – И не спрашивают. Они просто берут.

Эйтан убрал руку, и Лия едва не задохнулась от внезапной потери тепла. Холод моментально вцепился в щеку, словно мстя за мгновение неги.

– Ты права, – сказал он, отворачиваясь. – Чудовища не спрашивают. Но я не чудовище. И никогда им не был.

Он отошёл к краю утёса и сел прямо на камень, свесив ноги в пропасть. Обычный человек разбился бы, но он сидел спокойно, глядя вниз, и ветер трепал его черные волосы.

– Садись, – бросил он, не оборачиваясь. – История будет долгой. А ты, кажется, замёрзла.

Лия и правда дрожала. Платье промокло насквозь, туфли давно превратились в ледышки. Она подошла и села рядом – осторожно, стараясь не смотреть вниз, туда, где в туманной дымке угадывались острые зубья скал.

Эйтан молчал, собираясь с мыслями. Лия не торопила. Она смотрела на его профиль – точёный, словно вырезанный искусным мастером из слоновой кости, – и ждала.

– Давным-давно, – начал он, и голос его зазвучал глуше, отстранённое, словно он читал древнюю летопись, – этот мир был другим. Не было ваших деревень, ваших жертвоприношений, вашего страха. Были мы. Драконы.

Он повернул голову, и Лия увидела в его глазах отражение чего-то огромного, ушедшего, оплаканного.

– Мы не были чудовищами. Мы были хранителями. Неба, земли, огня, воды. Каждый клан отвечал за свою стихию. Мой клан – Лунные Драконы – хранил равновесие между светом и тьмой. Мы зажигали луну по ночам, мы будили солнце по утрам. Люди почитали нас. Не боялись – почитали. Приходили за советом, за помощью. Мы были богами, но богами милостивыми.

Лия слушала, затаив дыхание. Сказки. Это звучало как

сказки, которые старухи шепчут детям у очага. Но в его голосе была такая боль, такая подлинность, что сомневаться не получалось.

– Что случилось? – спросила она.

– Случилась она. – Губы Эйтана скривились. – Женщина. Маг. Ведьма. Называй как хочешь. Она пришла в наш храм, в наши чертоги под горой. Просила силы. Просила бессмертия. Мой отец, глава клана, отказал. Сказал, что такие дары не для смертных, что это нарушит равновесие.

Он замолчал, и в тишине Лия слышала далёкий гул – то ли ветер выл в расщелинах, то ли земля стонала под толщей камня.

– Тогда она прокляла нас. – Эйтан сжал кулаки, и Лия увидела, как вспыхнул узор на его руках, как жар пошёл волнами от его тела. – Она не умела давать жизнь, но отнимать умела мастерски. Она превратила нас в тени самих себя. Мы больше не могли летать, не могли покидать эти горы. Мы застряли между обликами – людьми и зверями. А чтобы проклятие держалось, чтобы мы не нашли способ снять его, она привязала его к крови.

– К крови? – переспросила Лия.

– Каждый год, когда тает снег, печать проклятия слабеет. И чтобы восстановить ее, нужна жертва. Не моя жертва. Их. – Он кивнул в сторону деревни. – Ваших девушек.

Лия похолодела. Не от холода – от понимания.

– Так это ты? – прошептала она. – Ты их убивал?

– Нет! – Эйтан вскочил, и воздух вокруг него заколебался от жара. – Я никогда не убивал! Проклятие убивало. Оно вытягивало из них жизнь, когда они переступали порог этого утёса. Я был... тюремщиком. Свидетелем. Я смотрел, как они умирают, и ничего не мог сделать.

Он заметался по краю утёса, и Лия испугалась, что он сорвётся. Но драконы, видимо, не падали.

– Я пытался их прогнать. Я являлся им в истинном облике, думал, ужас заставит их бежать. Но они не бежали. Их учили, что бежать – еще страшнее. Что тогда дракон придёт в деревню и сожжёт всех. – Он рассмеялся, и смех был горьким, как полынь. – Я никогда не сжигал деревень. Я вообще не выходил из этих гор. Но люди любят придумывать чудовищ. Это помогает им жить дальше, зная, что они приносят жертву.

Лия молчала. В голове не укладывалось. Все, во что она верила, все, чем пугали детей, все ритуалы, все крики матерей – оказалось ложью? Огромной, многовековой ложью?

– Но зачем? – выдохнула она. – Зачем деревня продолжает это делать? Если ты не трогаешь их, если ты не выходишь...

– Потому что я не один, – перебил Эйтан. Он остановился и посмотрел на нее. Взгляд его был тяжелым, предупреждающим. – Под этими горами спит кое-что похуже меня. Древнее. Злое. Оно питается страхом и смертью. Ритуал жертвоприношения, вера людей в то, что меня нужно ублажать, – все это создаёт энергию. Энергию, которая поддерживает его

сон.

– Кого? – Лия встала, забыв о холоде.

Эйтан помолчал. Потом произнес одно слово, от которого у Лии мороз пошёл по коже, хотя она стояла рядом с живым огнём:

– Хаос.

Тишина повисла между ними, тяжелая, как камень.

А потом земля снова дрогнула. Сильнее, чем в первый раз. Лия пошатнулась, едва не упала, но Эйтан подхватил ее, прижал к себе. Жар его тела обжёг даже сквозь мокрую ткань.

– Просыпается, – прошептал он, глядя куда-то вглубь гор.
– Чувствует, что жертва не принесена.

– Но я здесь, – сказала Лия. – Я пришла.

– Ты пришла, но ты жива. – Эйтан посмотрел на нее сверху вниз, и в глазах его плескалось что-то странное – надежда, смешанная со страхом. – Это впервые за сотни лет. Кто-то переступил порог утёса и не умер. Кто-то смотрит на меня и не кричит.

Он отпустил ее, отступил на шаг.

– Ты особенная, Лия. Я чувствую это. В твоей крови есть что-то... древнее. То, чего не было в других.

Лия покачала головой.

– Я никто. Сирота. Приёмыш. У меня нет рода.

– Есть. – Голос Эйдана прозвучал твёрдо, как удар молота. – Просто ты о нем не знаешь. Но проклятие знает. Оно пропустило тебя. Оно не тронуло тебя, когда ты ступила на

этот камень.

Лия вспомнила. Она действительно не чувствовала ничего особенного, когда шла сюда. Только холод и усталость. Ни боли, ни слабости, ни того ужаса, который, по рассказам, охватывал жертв перед смертью.

– Что это значит? – спросила она.

Эйтан посмотрел на нее долгим взглядом. Потом протянул руку.

– Пойдём со мной. Вниз, в чертоги. Там хранятся летописи моего клана. Там есть ответы. Я искал их сотни лет, но мне не хватало ключа. Кажется, этот ключ – ты.

Лия смотрела на его руку. Ладонь была широкой, горячей, с длинными пальцами и той самой чешуйчатой вязью, что тянулась от запястья.

Там, внизу, ждала неизвестность. Там, возможно, ждала смерть – настоящая, без права на возвращение. А здесь, наверху, ее ждала деревня, где она была никем, где ее уже оплакали и забыли.

Выбор был очевиден.

Лия вложила свою ледяную ладонь в его горячую руку.

– Я пойду, – сказала она.

Эйтан улыбнулся – той самой улыбкой, что превращала его из древнего чудовища в живого юношу.

– Держись крепче, – предупредил он. – Будет страшно.

– Я не боюсь, – ответила Лия. И в этот раз она действительно не боялась.

Эйтан сжал ее пальцы, шагнул к краю утёса и потянул ее за собой в пропасть.

Воздух взорвался криком, но это был не ее крик. Это был ветер, завывающий в ушах, это была земля, уходящая из-под ног, это было падение в бесконечность, которое вдруг остановилось.

Они не разбились.

Они парили.

Точнее, парил Эйтан, а Лия висела в его руках, прижатая к его груди, и с ужасом смотрела, как из его спины разворачиваются крылья.

Огромные, перепончатые, сотканые из тени и пламени. Они ударили по воздуху, замедляя падение, и Лия поняла, что никогда в жизни не видела ничего прекраснее и страшнее одновременно.

– Не смотри вниз, – шепнул Эйтан ей на ухо. – Смотри на меня.

Она посмотрела.

В его глазах горел огонь. И в этом огне она вдруг увидела свое отражение – не замухрышку в мокром платье, не сироту без рода и племени, а девушку, в чьей крови пульсировал древний свет.

А потом тьма сомкнулась вокруг них, и они нырнули в недра горы.

ГЛАВА 3: Чертоги памяти

Тьма была не просто отсутствием света. Она была живой.

Лия чувствовала, как она обтекает ее тело, касается лица невидимыми пальцами, шепчет что-то на древнем, забытом языке. Она прижималась к Эйтану, вцепившись в его одежду так, словно от этого зависела ее жизнь, и только жар его тела напоминал, что она все еще существует, все еще дышит.

– Не бойся, – голос Эйтана прозвучал глухо, отражаясь от невидимых стен. – Это просто защита. Чертоги не любят чужаков.

– Я думала, мы летим вниз, – выдохнула Лия, чувствуя, что под ногами наконец-то появилась твердая поверхность. – А мы уже... где мы?

– Внутри.

Эйтан щёлкнул пальцами, и вспыхнул свет.

Не факел, не свеча – огонь, родившийся прямо из воздуха, из его ладони. Он взлетел вверх, распался на десятки маленьких искр, и каждая искра нашла свое место – на стенах, в углублениях, в каменных чашах, что стояли вдоль невидимого до этого коридора.

Лия ахнула.

Они стояли в зале. Нет, не в зале – в соборе. Огромном, вырубленном прямо в толще горы, с потолком, теряющимся где-то в вышине. Стены были покрыты резьбой – такой ис-

кусной, такой детальной, что казалось, изображения вот-вот оживут. Драконы, люди, деревья, звезды – все переплеталось в единый узор, рассказывающий историю, которую Лия не умела читать.

– Это летописи, – пояснил Эйтан, жестом приглашая ее идти за ним. – История моего клана. Каждый правитель, каждое событие, каждая битва. Мы высекали их в камне, чтобы память жила вечно.

Лия шла медленно, касаясь пальцами холодных стен. Под руками она чувствовала тепло – странно, камень должен быть ледяным, но здесь он дышал, пульсировал, словно живой организм.

– Здесь красиво, – прошептала она, и эхо подхватило ее голос, понесло ввысь, к невидимому куполу.

– Здесь мертво, – ответил Эйтан. Голос его звучал глухо. – Раньше здесь жили сотни драконов. Зал наполнялся смехом, музыкой, спорами. А теперь только я и камень.

Лия посмотрела на него. В свете огненных искр его лицо казалось высеченным из того же камня – прекрасное, но неподвижное, застывшее в вечной печали.

– Ты совсем один? Все эти годы?

– Не совсем. – Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. – Были охотники. Были смельчаки, что спускались сюда за сокровищами. Были жрицы, что приходили умереть. Компания, скажем так, так себе.

Они миновали зал и вошли в коридор. Узкий, низкий, вы-

рубленный так, что Эйтану приходилось пригибаться. Стены здесь были гладкими, без резьбы, и Лия чувствовала, как нарастает напряжение – воздух становился плотнее, дышать труднее.

– Куда мы идём? – спросила она.

– В библиотеку. – Эйтан остановился у массивной каменной двери, на которой не было ни ручки, ни засова. – Точнее, в то, что от нее осталось. Там хранятся свитки, которые не высечешь в камне. Тайные знания, родовые тайны, проклятия и способы их снятия.

Он приложил ладонь к двери, и та вспыхнула – узор, покрывающий его руку, засветился в точности, повторяя рисунок, вырезанный на камне. Дверь дрогнула и бесшумно ушла в стену.

– Только кровь клана открывает этот проход, – пояснил Эйтан, пропуская Лию вперед. – Заходи. То, что ты ищешь, ждет тебя.

Лия перешагнула порог и замерла.

Комната была круглой, не слишком большой, но каждый сантиметр ее стен занимали свитки. Тысячи, десятки тысяч свитков – в нишах, на полках, в деревянных ящиках, сложенных стопками прямо на полу. Пахло здесь древностью – пылью, сухими травами, чем-то терпким и сладким одновременно.

– Здесь есть все, – сказал Эйтан, входя следом. – История мира, магия, алхимия, астрономия. Мои предки собирали

знания веками.

Лия подошла к ближайшей нише, осторожно взяла один свиток. Пергамент был жёлтым, ломким, но письма на нем оставались чёткими – красивые, витиеватые буквы, которых она не понимала.

– Я не умею читать, – тихо сказала она, чувствуя, как крас-
ка стыда заливает щеки. – Совсем.

Эйтан удивлённо поднял бровь.

– Совсем? Ни одной буквы?

– В деревне не учат девок, – ответила Лия, отводя взгляд.
– Тем более сирот.

– Тогда я буду твоими глазами, – просто сказал Эйтан. –
Рассказывай, что ты хочешь узнать.

Лия подняла на него взгляд. Он говорил это так обыденно,
словно предлагал не обучение грамоте, а чашку воды. Слов-
но она имела право просить. Словно она была... равной.

– Я хочу знать, кто я, – выдохнула она. – Ты сказал, в моей
крови есть что-то древнее. Что-то, что остановило прокля-
тие. Я хочу понять.

Эйтан кивнул и направился к дальнему стеллажу. Он дви-
гался уверенно, словно знал здесь каждый уголок, каждую
пылинку. Пальцы его скользили по корешкам свитков, оста-
навливались, снова скользили.

– Родословные, – бормотал он. – Клань людей, что жили в
этих горах до прихода проклятия. Хранители. Проводники.
Те, кто умел говорить с нами без страха.

Он вытащил один свиток, развернул его прямо на полу. Пергамент был огромным, в рост человека, и весь испещрён именами, датами, символами.

– Смотри, – Эйтан указал на самый верх. – Вот начало. Первые люди, что поселились у подножия гор. Они поклонялись не нам, а тому, кто спал внизу. Хаосу. Приносили жертвы, чтобы ублажить его.

Лия смотрела на закорючки и имена, ничего не понимая, но слушала жадно.

– Потом пришли мы. – Эйтан перевел палец ниже. – Лунные Драконы. Мы заключили с ними союз. Люди отказывались от поклонения Хаосу, а мы обещали защиту. Многие ушли, но некоторые остались. Верные старым богам. Они ушли вглубь гор, спрятались в пещерах и продолжили свои ритуалы.

– И что с ними стало? – спросила Лия.

– Никто не знает. – Эйтан пожал плечами. – Они исчезли. Растворились. Может, ушли дальше в горы, может, вымерли. Но их кровь осталась. Смешалась с кровью тех, кто остался на поверхности. И время от времени, раз в несколько поколений, рождался ребенок, в котором эта кровь просыпалась.

Он посмотрел на Лию долгим, изучающим взглядом.

– Ты понимаешь, к чему я клоню?

– Я... – Лия сглотнула. – Ты думаешь, я из этих? Из тех, кто поклонялся Хаосу?

– Нет. – Эйтан покачал головой. – Я думаю, ты из тех, кто

умеет ему противостоять. Твоя кровь – древняя, чистая. Она не поддаётся проклятию, потому что помнит времена, когда проклятия не существовало. Она помнит мир до Хаоса.

Лия опустилась на колени прямо на пол, рядом со свитком. Голова кружилась. Слишком много информации, слишком много нового. Она всегда считала себя пустым местом, ошибкой природы, лишним ртом. А теперь выходило, что она – ключ. Ключ к чему-то огромному и страшному.

– Что мне делать? – спросила она тихо.

– Не знаю, – честно ответил Эйтан. – Я искал способ снять проклятие сотни лет. Думал, что нужна жертва – не смерти, а выбора. Думал, что если девушка придёт ко мне добровольно, не по принуждению, проклятие падёт. Но они приходили по принуждению. Их гнал страх. А ты...

Он замолчал, подбирая слова.

– А ты пришла, потому что тебе было все равно. Потому что смерть казалась тебе лучше жизни. Это не добровольный выбор в пользу жизни. Это согласие на смерть.

– Прости, – прошептала Лия.

– Не извиняйся. – Эйтан сел рядом с ней, скрестив ноги.
– Твоя правда. Твоя боль. Я не имею права судить.

Они сидели молча, глядя на разложенный свиток, на тысячи имен, уходящих вглубь веков. Где-то там, среди этих закорючек, пряталась правда о ней. Но найти ее без помощи Эйтана было невозможно.

– Научи меня читать, – вдруг сказала Лия.

Эйтан повернул голову.

– Что?

– Научи. – Она посмотрела ему в глаза. В них плескалось пламя, но сейчас она не боялась этого огня. – Если я – ключ, я должна сама понять, к какой двери он подходит. Ты не сможешь вечно быть моими глазами. Рано или поздно мне придется смотреть самой.

– Это займёт время, – предупредил Эйтан. – Месяцы. Может, годы.

– А у нас есть время? – спросила Лия. – Ты сказал, Хаос просыпается.

Эйтан помрачнел.

– Не знаю. Раньше жертва успокаивала его на год. Теперь жертвы нет. Может, у нас есть неделя. Может, день. А может, он уже открыл глаза и просто потягивается перед тем, как встать.

Лия почувствовала, как холодок пробежал по спине. Неделя. Или день. А она здесь, в подземелье, с драконом, который не знает, как спасти мир, и девушкой, которая не умеет читать.

– Тогда давай не тратить время, – сказала она решительно. – Показывай, с чего начать.

Эйтан улыбнулся. В этой улыбке было что-то новое – не горькое, не усталое, а почти живое.

– Ты удивительная, – сказал он. – Знаешь это?

– Я знаю только то, что меня учили, – ответила Лия. – А

меня учили, что я ни на что не гожусь. Так что, возможно, ты ошибаешься.

– Я не ошибаюсь, – твёрдо сказал Эйтан. – Я живу тысячу лет. И за эту тысячу лет не встречал никого, кто, узнав, что у него в распоряжении день, попросил бы не спастись, а научиться читать.

– Я не умею спастись, – пожала плечами Лия. – А читать – научусь. Это хоть что-то, что я могу контролировать.

Она сказала это и вдруг поняла, как права. Всю жизнь она была щепкой в потоке – куда течение вынесет, там и прибьёт к берегу. Жребий, жертва, дракон – все решалось без нее. А здесь, в этой каменной библиотеке, она впервые захотела выбрать сама.

– Хорошо, – Эйтан встал и протянул ей руку. – Тогда начнём с самого простого. Вот это – буква «А». С нее начинается слово «Арарт» – так называется наше подземное царство на древнем языке.

Лия взяла его руку и поднялась. Колени дрожали, но не от страха – от возбуждения.

– Арарт, – повторила она, пробуя слово на вкус. – Красиво.

– Красиво, – согласился Эйтан. – Хотя сейчас больше похоже на тюрьму.

Он подвел ее к стене, где на гладкой каменной плите были высечены символы. Провёл пальцем по первому.

– Смотри и повторяй. Вот «А», вот «Р», вот «Т». Соеди-

няешь – получается «АРТ». Огонь.

Лия сосредоточенно смотрела на символы, пытаясь запомнить их очертания. Это было трудно – мозг, не привыкший к такой работе, сопротивлялся, мысли разбегались.

– Арт, – повторила она вслух. – Огонь.

– У тебя получается, – подбодрил Эйтан. – Быстрее, чем у меня когда-то.

– Ты же дракон. Вы рождаетесь со знанием?

– Нет. – Он усмехнулся. – Мы рождаемся с инстинктами. Знания приходят позже. Меня учила мать. Тоже здесь, в этой библиотеке. Я был маленьким, мне все время хотелось летать, а не сидеть над свитками. Она сердилась, говорила, что без знаний крылья – просто мясо.

Лия представила маленького дракона, который капризничает и не хочет учить буквы, и улыбнулась.

– Твоя мать... она тоже здесь? – осторожно спросила она.

Эйтан помолчал. Потом покачал головой.

– Она была первой, кого забрало проклятие. Не жертва – просто не выдержала. Превратилась в камень и рассыпалась пеплом. Я держал ее за руку, когда это случилось.

– Прости, – прошептала Лия.

– Это было давно. – Эйтан отвернулся, но Лия успела заметить, как дрогнули его плечи. – Очень давно. Я почти забыл ее лицо. Помню только голос. И то, как пахли ее волосы – дымом и горными травами.

Они замолчали. Тишина в библиотеке была особенной –

не пустой, а наполненной шёпотом веков. Лия слышала, как потрескивают свитки, как дышит камень, как бьётся сердце Эйтана – редко, мощно, как барабан в далёком храме.

– Показывай дальше, – попросила она. – Я хочу выучить все буквы сегодня.

– Все? – Эйтан удивлённо поднял бровь. – Их тридцать три.

– Значит, буду учить тридцать три.

– Ты устанешь.

– Я всю жизнь устаю, – отрезала Лия. – Это ничего не меняет.

Эйтан посмотрел на нее долгим взглядом. Потом кивнул.

– Хорошо. Тогда начнём с начала. Вот буква «М» – «Мор-та», смерть. И буква «В» – «Вита», жизнь. Смотри, как они похожи. Только одна линия решает все.

Лия смотрела на символы. Действительно похожи – два одинаковых знака, только у одного переключатель сверху, у другого снизу. И от этого зависит значение.

– Смерть и жизнь, – прошептала она. – Рядом. Почти одно и то же.

– Так всегда, – тихо ответил Эйтан. – Грань тоньше волоса.

Он стоял так близко, что Лия чувствовала жар его тела. В библиотеке было прохладно, но рядом с ним она забывала о холоде. Забывала о страхе. Забывала о том, что снаружи, возможно, просыпается древнее зло.

– Эйтан, – позвала она.

– М?

– Спасибо. За то, что не убил меня. За то, что учишь. За то, что... разговариваешь со мной как с равной.

Он повернулся к ней. В глазах его плескался огонь – мягкий, тёплый, совсем не страшный.

– Ты и есть равная, – сказал он. – Может быть, единственная во всем мире.

И в этот момент земля снова дрогнула.

Сильно. Так сильно, что с полок посыпались свитки, а каменный пол пошёл трещинами.

Эйтан мгновенно заслонил Лию собой, раскинув руки, словно пытаясь защитить ее от удара. Из его ладоней вырвалось пламя – не обжигающее, а защитное, обволокло их коконом.

– Поздно, – прошептал он, глядя куда-то вглубь горы. – Он проснулся.

ГЛАВА 4: Голос из бездны

Земля продолжала дрожать.

Лия вцепилась в рубашку Эйтана, чувствуя, как под пальцами пульсирует жар его тела. Каменный пол под ногами ходил ходуном, трещины расползались, как паутина, свитки падали с полок, и древняя пыль взвивалась в воздух, застилала глаза.

– Что происходит? – крикнула она, перекрывая гул.

Эйтан не ответил. Лицо его застыло, глаза горели ровным, холодным пламенем – не тем живым огнём, что она видела минуту назад, а чем-то иным, боевым, опасным. Он вслушивался во что-то, чего Лия не слышала, и с каждой секундой напряжение в его теле росло.

– Он зовёт, – наконец выдохнул Эйтан. – Не меня. Тебя.

– Меня? – Лия похолодела. – Но я не слышу ничего.

– Ты не ушами должна слышать. – Эйтан развернул ее к себе, заглянул в глаза. – Закрой глаза. Дыши глубже. Слушай не звуки – слушай кровь. То, что внутри тебя.

Лия послушно зажмурилась. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбивалось, но она пыталась ровно дышать, как учила когда-то старуха Меланья, когда Лия приходила к ней с травами: «Дыши, девка, не части. Ровно дыши, тогда и мысли улягутся».

Вдох. Выдох. Вдох.

Гул земли постепенно отдалился, перестал пугать. Лия проваливалась внутрь себя, туда, где было тихо и темно. И в этой темноте вдруг зазвучал голос.

Он был древним. Таким древним, что камни казались младенцами по сравнению с ним. Он шёл из самой глубины, из-под гор, из ядра земли, и в нем слышалось шипение лавы, треск разрываемых пород, шелест пепла.

«Девочка...»

Лия вздрогнула, но не открыла глаз.

«Девочка с кровью первых. Ты пришла».

– Кто ты? – спросила она мысленно, не зная, услышит ли.

Услышал. Голос зазвучал громче, в нем проступили насмешливые нотки.

«Ты знаешь, кто я. Они называли меня по-разному. Пожиратель. Спящий. Тот-Кто-В-Основании. Но самое верное имя – Хаос. Я был здесь до того, как эти горы поднялись из моря. Я буду здесь, когда они превратятся в песок».

– Чего ты хочешь от меня?

Тишина. Потом низкий, вибрирующий смех.

«Хочу? Я ничего не хочу, девочка. Я просто есть. Но ты... ты пахнешь иначе. Ты пахнешь свободой. Той, что была до клетки. Ты не боишься. Это редкость. Это драгоценность».

Лия почувствовала, как что-то коснулось ее сознания – мягко, вкрадчиво, словно кошка трётся о ноги. Это не причиняло боли, но было до дрожи неправильным.

«Иди ко мне, – позвал голос. – Спустишься ниже. Туда, где

кипит кровь земли. Я покажу тебе, кто ты на самом деле. Я дам тебе силу, о которой ты не смела мечтать. Ты перестанешь быть никем. Станешь всем».

– Лия! – Голос Эйтана ворвался в ее сознание, разрывая наваждение. – Открой глаза! Сейчас же!

Она распахнула веки и увидела его лицо в дюйме от своего. Эйтан тряс ее за плечи, и в глазах его плескался неприкрытый ужас.

– Ты уходила, – выдохнул он. – Я чувствовал, как ты ускользаешь. Еще мгновение – и ты бы провалилась туда, откуда нет возврата.

Лия моргнула, приходя в себя. Голос в голове затих, но оставил после себя странное послевкусие – сладковатое, дурманящее, опасное.

– Он звал меня, – прошептала она. – Сказал, что покажет, кто я.

– Не верь ему. – Эйтан отпустил плечи, но не отошёл, оставаясь рядом. – Он лжёт. Это его природа – лгать и искажать. Он покажет тебе то, что ты хочешь увидеть, но ценой будет твоя душа.

Лия посмотрела на свои руки. Они дрожали мелкой дрожью.

– Почему он назвал меня «девочкой с кровью первых»? Что это значит?

– Не знаю. – Эйтан провёл рукой по лицу, и Лия заметила, как он устал. – Но теперь я уверен: ты не просто случайность.

Ты – ответ. Вопрос только в том, на какой вопрос.

Земля перестала дрожать. Тишина в библиотеке установилась звенящая, готовая лопнуть в любой момент.

– Что нам делать? – спросила Лия.

– Искать. – Эйтан уже шёл к дальнему стеллажу, решительный и собранный. – В летописях должен быть ответ. Где-то здесь записано, как наши предки победили Хаос в первый раз. Они же победили его, иначе меня бы здесь не было.

– Победили? – Лия пошла за ним, стараясь не наступать на рассыпавшиеся свитки. – Я думала, он спал.

– Победить Хаос нельзя, – бросил Эйтан через плечо. – Можно только усыпить. Запечатать. Сдержать. Мои предки создали печать, но она держалась на их крови. На драконьей крови. А потом пришла ведьма, прокляла нас, и печать ослабла.

Он остановился у стеллажа, который уцелел во время толчков, и провёл пальцами по корешкам.

– Жертвоприношения, которые приносили люди, подпитывали не только проклятие. Они подпитывали печать. Смерть девушек давала энергию, которая сдерживала Хаос. Грязный, страшный способ, но он работал сотни лет.

– А теперь? – тихо спросила Лия.

– А теперь жертвы нет. И Хаос проснулся. – Эйтан вытащил огромный свиток, перетянутый почерневшей кожей. – Осталось узнать, сколько у нас времени.

Он развернул свиток прямо на полу, придавив края кам-

нями. Лия подошла ближе и ахнула. Это была карта. Не просто карта – объёмное изображение гор, пронизанное жилами, словно кровеносными сосудами. В самом центре, глубоко под землей, пульсировала алая точка.

– Это он? – спросила Лия, указывая на точку.

– Да. – Эйтан коснулся пальцем места прямо над точкой.
– А это мы. Библиотека. Видишь, как близко?

Лия видела. Расстояние на карте было ничтожным – какой-то сантиметр. Сколько это в реальности? Километр? Два?

– Если он проснулся, сколько у нас времени, пока он выберется наружу?

– Зависит от того, насколько он голоден. – Эйтан нахмурился. – Если жертвоприношения давали ему достаточно сил, чтобы просто дремать, то сейчас, после сотен лет регулярного питания, он должен быть силен. Но просыпался он всегда медленно. Сначала голос, потом дрожь, потом...

– Потом что?

– Потом огонь. – Эйтан поднял на нее тяжёлый взгляд. – Из недр пойдёт лава. Горы начнут извергаться. Деревня сгорит первой. Потом леса. Потом равнины. Если его не остановить, он сожрёт весь мир.

Лия опустила руку на колени рядом с картой, вглядываясь в алую точку. Там, глубоко внизу, пульсировало зло, древнее, как сама земля. И она, Лия, сирота без рода и племени, стояла между ним и миром.

– Эйтан, – сказала она тихо, – а если я спущусь к нему?

– Что? – Он резко обернулся. – Исключено.

– Он звал меня. Сказал, что покажет, кто я. Может, это единственный способ узнать правду.

– Или единственный способ потерять тебя. – Эйтан схватил ее за руку, сжал так сильно, что стало больно. – Ты не понимаешь, о чем говоришь. Хаос не ведет переговоров. Он пожирает. Ты придёшь к нему, и он высосет тебя досуха, а потом выплюнет пустую оболочку.

Лия посмотрела на его руку, сжимающую ее запястье. Пальцы у него были горячие, сильные, и сквозь кожу проступал тот самый чешуйчатый узор.

– Тебе не все равно? – спросила она тихо. – Я же просто жертва, которой повезло не умереть сразу. Одна из многих.

– Нет. – Голос Эйтана прозвучал глухо. – Не одна из многих. Ты... ты другая.

– Почему?

Он не ответил. Отпустил ее руку, отвернулся к карте.

– Потому что ты смотришь на меня и не видишь чудовище, – сказал он наконец. – Потому что ты захотела учиться, хотя у тебя в запасе, может быть, всего день. Потому что ты не сдалась, когда вся твоя жизнь была сплошным поражением. Я не знаю, Лия. Просто... ты другая.

Она смотрела на его спину, на широкие плечи, на то, как напряжены мышцы под тонкой тканью рубашки. И вдруг поняла, что за тысячу лет одиночества он, наверное, забыл, ка-

ково это – просто говорить с кем-то. Не о проклятии, не о смерти – о жизни.

– Эйтан, – позвала она.

Он обернулся.

– Спасибо. За то, что сказал это.

Он улыбнулся – той самой улыбкой, что превращала его из древнего чудовища в живого юношу.

– Не за что.

А потом свет погас.

Не постепенно, не мерцая – мгновенно, словно кто-то сдул все огни разом. Тьма навалилась тяжелая, густая, непроницаемая. Лия не видела даже собственных рук.

– Эйтан? – позвала она, и голос ее дрогнул.

– Я здесь. – Голос раздался справа, ближе, чем она ожидала. – Не двигайся.

Она услышала, как он щелкает пальцами – раз, другой, третий. Обычно после этого вспыхивал огонь. Сейчас – ничего.

– Не работает, – глухо сказал Эйтан. – Он блокирует мою магию.

– Кто?

– Хаос. Или тот, кто служит ему.

В темноте что-то зашевелилось. Лия услышала шорох, похожий на то, как ползёт по камню огромная змея. Или не одна.

– Эйтан... – прошептала она, пятясь назад, пока не опёр-

лась спиной в стеллаж.

– Тихо. – Она почувствовала, как его рука нашла ее в темноте, сжала ладонь. Пальцы у него были горячими, как всегда, но теперь в этом тепле чувствовалось что-то отчаянное, защитное. – Держись за меня. Что бы ни случилось – не отпускай.

Шорох приближался. Теперь Лия слышала его со всех сторон – мерзкое, влажное скольжение по камню. И запах. Запах гнили, серы, чего-то древнего и разложившегося.

– Что это? – выдохнула она.

– Стражи. – Голос Эйтана звучал ровно, но она чувствовала, как напряжена его рука. – Твари, что служат Хаосу. Они охраняют подходы к его логову. Раньше они не могли подняться так высоко – печать не пускала. Теперь, видимо, могут.

– Мы справимся?

Вместо ответа Эйтан шагнул вперед, заслоняя ее собой. И во тьме вспыхнуло пламя.

Не такое, как раньше – не ровное, не тёплое. Это было пламя битвы – яростное, белое, вырывающееся из его ладоней и освещающее библиотеку слепящими вспышками. В этих вспышках Лия успевала увидеть куски кошмара – шупальца, покрытые слизью, пасти с рядами зубов, глаза, горящие голодным огнём.

Эйтан бил пламенем раз за разом, отбрасывая тварей назад, но их было слишком много. Они лезли из всех щелей, из-

под пола, из стен, и каждый сгоревший уступал место трём новым.

– Их слишком много! – крикнул Эйтан, и в голосе его впервые проскользнуло отчаяние. – Я не могу...

Лия смотрела, как он сражается, и понимала, что это конец. Что через минуту твари доберутся до них, разорвут, сожрут. Что все – обучение грамоте, разговоры о древней крови, надежда на спасение – было зря.

А потом в ней что-то щёлкнуло.

Тот самый голос, что звал ее из бездны, вдруг зазвучал снова, но иначе – не снаружи, а внутри. Он не звал – он приказывал.

«Вспомни».

И Лия вспомнила.

Руки матери, которых она никогда не знала. Голос отца, которого не слышала. Искры, пляшущие над костром, и древние песни на языке, который она не учила, но вдруг поняла.

Слова сами сорвались с губ. Она не знала, что они значат, но тело знало. Кожа засветилась тусклым серебристым светом, и свет этот растёкся по библиотеке, касаясь тварей.

Твари закричали.

Крик был страшным – высоким, вибрирующим, полным боли. Свет жёг их, обращал в пепел быстрее, чем пламя Эйтана. Они корчились, рассыпались, и через несколько мгновений библиотека опустела.

Тишина.

Эйтан стоял, тяжело дыша, и смотрел на Лию так, словно видел впервые. Свет вокруг нее угасал, кожа темнела, возвращаясь к обычному цвету, но в глазах еще мерцали отблески серебра.

– Что это было? – прошептал он.

Лия посмотрела на свои руки. Они дрожали, но не от страха – от силы, которая только что прошла сквозь нее.

– Я не знаю, – ответила она. – Но кажется... кажется, я начинаю понимать.

ГЛАВА 5: Серебро в крови

Лия смотрела на свои руки и не узнавала их.

Они были те же – тонкие пальцы, обломанные ногти, мозоли на ладонях от бесконечной работы. Но под кожей, глубоко внутри, пульсировало что-то новое. Что-то, что пело на древнем языке и светилось серебром, стоило только захотеть.

– Ты как? – Эйтан подошёл ближе, но не коснулся, словно боялся обжечься. Или обжечь.

– Не знаю, – честно ответила Лия. – Странно. Как будто я всегда это умела, но забыла. А сейчас вспомнила.

– Ты говорила на древнем, – тихо сказал Эйтан. – На языке первых драконов. Я думал, его никто не помнит, кроме меня.

– Я не понимала, что говорю. Слова сами приходили.

Эйтан осторожно взял ее за запястье, перевернул ладонью вверх. Провёл пальцем по линии жизни – там, где кожа была тоньше всего. Лия вздрогнула от прикосновения – горячего, но не обжигающего.

– Смотри, – сказал он.

Она посмотрела. Под кожей, в том месте, где он провёл, засветилась тонкая серебряная нить. Она пульсировала в такт сердцебиению, разбегалась лучиками в разные стороны.

– Что это?

– Твоя кровь. – Эйтан поднял на нее взгляд, и в глазах

его горело что-то, похожее на благоговение. — Только она не красная. Не совсем. У людей кровь красная. У драконов — золотая. А у тебя...

— Серебряная, — закончила Лия.

— Серебряная, — кивнул он. — Я никогда такого не видел. Даже в древних свитках не встречал.

Лия выдернула руку. Ей вдруг стало страшно — не тварей, не Хаоса, а себя самой. Кто она такая, если внутри у нее течет нечеловеческая кровь? Если она может жечь порождений тьмы одним словом?

— Я чудовище, — прошептала она. — Такое же, как они.

— Нет. — Эйтан схватил ее за плечи, развернул к себе. — Слышишь? Нет. Ты не чудовище. Чудовища питаются страхом и болью. А ты только что спасла нам жизнь. Это разные вещи.

— Но моя кровь...

— Твоя кровь — древняя. Чистая. Она не делает тебя чудовищем. Она делает тебя сильной. Вопрос только в том, как ты этой силой распорядишься.

Лия смотрела в его глаза — янтарные, с вертикальными зрачками, горящие изнутри. В них не было страха. Только удивление и что-то очень похожее на надежду.

— Ты не боишься меня? — спросила она.

— Я дракон, — усмехнулся он. — Мне ли бояться кого-то из-за необычной крови?

— Но я человек. Была человеком.

– Ты и сейчас человек. – Он отпустил ее плечи, но не отошёл. – Просто человек, в котором проснулось то, что спало сотни поколений. Это дар, Лия. Даже если сейчас кажется проклятием.

Она хотела ответить, но вдруг почувствовала слабость. Ноги подкосились, и если бы Эйтан не подхватил ее, она бы упала прямо на каменный пол.

– Тише-тише. – Он прижал ее к себе, поддерживая. – Первый раз всегда выматывает. Ты отдала слишком много сил.

– Прости, – пробормотала Лия, утыкаясь лицом в его грудь. Ткань рубашки пахла дымом и чем-то сладким, напоминающим горные травы. – Я не хотела быть обузой.

– Ты не обуза. – Голос Эйтана звучал глухо, но твёрдо. – Ты – всё, что у меня есть.

Он подхватил ее на руки – легко, словно она ничего не весила, – и понёс куда-то вглубь библиотеки. Лия хотела возразить, сказать, что сама пойдёт, но сил не было совсем. Веки тяжелели, мысли путались, и последнее, что она почувствовала перед тем, как провалиться в темноту, – это его тепло и мерный стук сердца под ухом.

Она очнулась на чем-то мягком.

Это было настолько неожиданно, что Лия несколько мгновений просто лежала, боясь пошевелиться. Всю жизнь она спала на жёсткой лавке, подстелив старый тулуп, или в хлеву на соломе. Мягкие постели были для других – для Алёны, для тётки, для кого угодно, только не для нее.

Она приоткрыла глаза.

Над ней нависал каменный свод, испещрённый все той же резьбой – драконы, звезды, причудливые узоры. Рядом горел огонь – настоящий, живой, вложенный в каменную чашу. А под ней... под ней была шкура. Огромная, пушистая, белая, с длинным ворсом, в котором утопали руки.

Лия села, кутаясь в край шкуры, и огляделась.

Она лежала в небольшой нише, отгороженной от основного зала каменной аркой. Здесь было тепло – благодаря огню, – и пахло все тем же дымом с травами. У стены стоял сундук, накрытый тканью, а рядом, прямо на полу, сидел Эйтан.

Он сидел, скрестив ноги, и смотрел на нее. Взгляд его был странным – изучающим, но не холодным. Скорее, как у художника, который пишет портрет и боится упустить деталь.

– Сколько я спала? – спросила Лия. Голос звучал хрипло, в горле пересохло.

– Несколько часов. – Эйтан протянул ей глиняную кружку. – Выпей. Это отвар. Восстанавливает силы.

Лия взяла кружку, согрела ладони о тёплые стенки. Отвар пах мятой и еще чем-то терпким, незнакомым. Она сделала глоток – жидкость обожгла горло, но приятно, разлилась теплом по желудку.

– Где мы?

– В моих покоях. – Эйтан обвёл рукой нишу. – Когда-то здесь жила моя семья. Потом я остался один и заколотил вход. Не мог смотреть на эти стены.

– А сейчас?

– А сейчас ты нуждалась в тепле и безопасности. – Он пожал плечами. – Это единственное место в Арате, где я чувствовал себя... человеком. Хотя человеком никогда не был.

Лия огляделась внимательнее. Теперь она замечала детали – детскую люльку в углу, заваленную старыми свитками, вырезанные на стене фигурки, которые явно делала рука ребенка, маленькие отпечатки ладоней, обведённые углем.

– Это ты рисовал? – спросила она, кивая на стены.

Эйтан проследил за ее взглядом и улыбнулся – той самой улыбкой, от которой у Лии каждый раз что-то сжималось внутри.

– Я. Мать разрешала мне портить стены, говорила, что это развивает воображение. Отец ворчал, но не запрещал.

– Ты был счастлив?

– Очень. – Он помолчал. – Пока не пришла она.

Лия не стала спрашивать, кто. Она и так знала – ведьма, что прокляла его род. Та, что отняла у него все.

– Расскажи мне о ней, – попросила она. – О ведьме.

Эйтан нахмурился.

– Зачем?

– Затем, что мы должны знать врага. Хаос зовет меня, но кто-то же наложил проклятие. Кто-то же привязал его к жертвам. Может, это та же ведьма? Может, она до сих пор жива?

– Жива? – Эйтан покачал головой. – Люди столько не живут. Даже маги.

– А если она не человек?

Тишина повисла между ними. Эйтан смотрел на нее, и в глазах его мелькало что-то – то ли страх, то ли догадка.

– Ты думаешь...

– Я ничего не думаю. – Лия поставила кружку на пол. – Я просто спрашиваю. Ты сказал, она пришла за силой и бессмертием. Отец отказал. А что, если она нашла другой способ?

– Хаос, – выдохнул Эйтан. – Ты думаешь, она заключила сделку с Хаосом?

– Это объяснило бы, почему проклятие держится так долго. Почему оно питается смертями. Почему Хаос просыпается именно сейчас.

Эйтан вскочил и заметался по нише – от стены к стене, словно зверь в клетке.

– Если это правда... если она действительно служит Хаосу... тогда мы имеем дело не просто с древним злом. Мы имеем дело с расчётом. С планом.

– Каким?

– Не знаю. – Он остановился, провёл рукой по волосам. – Но если она задумала что-то сотни лет назад, значит, она играет в долгую. И мы только сейчас начали понимать правила.

Лия откинулась на шкуру, глядя в потолок. Голова все еще кружилась, но мысли прояснялись.

– Эйтан, – позвала она.

– М?

– Ты говорил, что я – ключ. Что моя кровь особенная. А что, если я не просто ключ? Что, если я – оружие?

Он замер, глядя на нее.

– О чем ты?

– Хаос звал меня. Сказал, что покажет, кто я. А потом, когда напали твари, я смогла их сжечь. Словно во мне есть что-то, чего они боятся. – Она села, посмотрела ему прямо в глаза. – Что, если я создана, чтобы убивать таких, как он?

– Создана? – Эйтан покачал головой. – Лия, тебя никто не создавал. Ты родилась в деревне, у простых людей. Ты росла сиротой, ты голодала, ты работала за кусок хлеба. Никто тебя не готовил.

– Откуда ты знаешь? – Она смотрела на него в упор. – Откуда ты знаешь, кем были мои настоящие родители? Почему они бросили меня? Почему никто никогда не искал меня?

Эйтан открыл рот и закрыл. Потом медленно опустился на пол рядом с ней.

– Я не знаю, – тихо сказал он. – Я правда не знаю. Но мы можем узнать.

– Как?

– Там, в библиотеке, есть раздел, посвящённый людям, которые служили драконам. Хранители, проводники, стражи. Если твоя кровь связана с нами, об этом должно быть записано.

Лия смотрела на него и видела, как в его глазах разгорается огонь – не гнева, не отчаяния, а надежды.

– Ты хочешь помочь мне? – спросила она.

– Я хочу помочь нам. – Он взял ее за руку. – Потому что теперь мы в одной лодке. Ты и я. И если мы не найдем ответа, нас обоих сожрёт Хаос. Или то, что ему служит.

Лия сжала его пальцы. Тепло разлилось по руке, поднялось выше, коснулось сердца.

– Тогда идём, – сказала она. – Времени мало.

Эйтан помог ей подняться. Ноги слушались уже лучше, голова почти не кружилась. Отвар явно творил чудеса.

– Держись рядом, – предупредил он, когда они вышли из ниши в основной зал. – Я не знаю, вернутся ли твари.

– Если вернутся, я снова их сожгу, – спокойно ответила Лия. – Теперь я хотя бы знаю, что умею.

Он обернулся и посмотрел на нее с удивлением.

– Ты не боишься?

– Боюсь, – честно ответила она. – Но боюсь не тварей. Боюсь того, что узнаю о себе. Боюсь, что окажусь не той, кем себя считала. Но прятаться от страха – значит проиграть, не начав бороться. Этому меня научила жизнь в деревне.

– Чему именно?

– Там, где ты никто, бояться бесполезно. Страх не даёт еды. Не греет ночью. Не защищает от побоев. Выживает тот, кто встаёт и делает, даже когда хочется лечь и умереть.

Эйтан остановился и посмотрел на нее долгим взглядом.

– Ты сильнее, чем думаешь, Лия.

– Посмотрим, – ответила она. – Пока мы живы – есть шанс.

Они вернулись в библиотеку. Свитки по-прежнему валялись на полу, стены были в копоти от пламени Эйтана, но тварей не было. Только запах гари напоминал о недавней битве.

– С чего начнём? – спросила Лия.

– С родословных. – Эйтан направился к стеллажу, который уцелел больше других. – Здесь записи о всех, кто служил моему клану за тысячу лет. Если твои предки были среди них, мы найдем упоминание.

Он вытащил несколько свитков, разложил на полу. Лия опустилась на колени рядом.

– Я же не умею читать, – напомнила она.

– Я буду читать вслух. А ты слушай и смотри, не откликнется ли что-то внутри тебя.

– Как это?

– Твоя кровь помнит. – Эйтан развернул первый свиток. – Если я назову имя, которое тебе принадлежит, ты это почувствуешь. Серебро откликнется.

Лия кивнула, хотя не очень понимала, о чем он говорит. Но доверилась – выбора все равно не было.

Эйтан начал читать. Голос его звучал ровно, перечисляя имена, даты, события. Лия слушала, всматриваясь в свитки, пытаясь уловить хоть что-то. Но внутри было тихо.

– Айна, дочь Боруха, служанка при дворе, тридцать лет. Мика, сын Еноха, стражник, пал в битве. Руфь, жена Иссахара, повитуха...

Лия почти перестала слушать, как вдруг что-то кольнуло внутри. Слабо, едва заметно, но достаточно, чтобы она вздрогнула.

– Стой, – перебила она. – Повтори последнее имя.

Эйтан поднял голову.

– Руфь, жена Иссахара.

– Нет, до этого.

– Мика, сын Еноха, стражник?

– Да. – Лия прижала руку к груди. Там, под кожей, пульсировало тепло. – Енох. Это имя... оно что-то сделало со мной.

Эйтан быстро развернул другой свиток.

– Енох... Енох... – бормотал он, водя пальцем по строкам. – Вот. Енох из рода Хранителей. Жил триста лет назад. Был приближенным главы клана. Имел двоих сыновей – Микку и... и дочь.

Он замолчал.

– Что? – спросила Лия. – Что там?

Эйтан поднял на нее глаза. В них плескалось что-то странное – смесь удивления и страха.

– Дочь. Ее звали Серафима. Она была особенной. В свитке сказано: «Дитя с серебром в крови, последняя из древнего рода, та, что видит сны наяву».

Лия похолодела.

– Серебро в крови?

– Да. – Эйтан протянул ей свиток. – Смотри. Здесь написано древними символами. «Серебро течет в ее жилах, ибо она – дитя двух миров. Человека и...»

– И кого? – выдохнула Лия.

Эйтан сглотнул.

– И дракона.

ГЛАВА 6: Дитя двух миров

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как камни.

Лия смотрела на свиток, на древние символы, которые не умела читать, но вдруг начала понимать. Буквы складывались в слова, слова – в предложения, и каждое предложение врезалось в сознание раскалённым клеймом.

«Дитя двух миров. Человека и дракона».

– Этого не может быть, – прошептала она. – Люди и драконы... Это же...

– Редкость, – тихо закончил Эйтан. – Почти невозможность. Но не абсолютная. В древности, когда наш клан еще жил открыто, иногда случались такие союзы. Дети от них рождались особенными. Они не были драконами – не могли менять облик, не жили тысячи лет. Но они наследовали часть нашей силы. И кровь у них была не красная и не золотая – серебряная.

Лия смотрела на свои руки. Под кожей все еще пульсировало тепло, и она знала – если захочет, увидит ту самую серебряную нить.

– Значит, я... не человек?

– Ты человек, – твёрдо сказал Эйтан. – Наполовину. Но та половина, что от дракона, делает тебя тем, кто ты есть. Тем, кого Хаос боится.

– Боится? – Лия подняла на него глаза. – Ты сказал, он

питается страхом. Но он звал меня. Говорил, что покажет, кто я. Зачем ему звать ту, кого он боится?

– Затем, что он хочет перетянуть тебя на свою сторону. – Эйтан встал, прошёлся по библиотеке, собираясь с мыслями. – Серебряная кровь – редкий дар. Ты можешь быть мостом между мирами. Между людьми и драконами. Между светом и тьмой. Хаос чувствует это и хочет использовать.

– Использовать? Для чего?

– Чтобы вырваться. Чтобы сломать печать окончательно. Если ты добровольно придёшь к нему, отдашь ему свою силу, он станет непобедим.

Лия представила это – тьму, выползающую из недр, сжигающую деревни, леса, города. Людей, которых она знала – тётку, дядьку Захара, Алёну, старуху Меланью. Все они умрут. И не только они – миллионы других, которых она никогда не видела.

– Я не пойду к нему, – сказала она твёрдо.

– Он будет давить. – Эйтан остановился напротив. – Голосом, снами, видениями. Он будет показывать тебе то, чего ты хочешь, обещать то, чего у тебя никогда не было. Семью, дом, любовь. Он умеет играть на слабостях.

– У меня нет слабостей, – горько усмехнулась Лия. – Меня ничем купить.

– Ты ошибаешься. – Эйтан опустился на колени рядом с ней, заглянул в глаза. – Слабость не в том, что у тебя есть. Слабость в том, чего тебе не хватало всю жизнь. В голоде по

теплу, по ласке, по тому, чтобы кто-то просто обнял и сказал, что ты нужна. Это самая сильная слабость, Лия. И Хаос это знает.

Она хотела возразить, но слова застряли в горле. Потому что он был прав. Всю жизнь она мечтала только об одном – чтобы ее заметили. Чтобы кто-то посмотрел на нее не как на рабочую скотину, не как на пустое место, а как на человека. Как на девушку.

– Откуда ты знаешь? – прошептала она.

– Потому что я сам такой. – Эйтан отвёл взгляд. – Тысячу лет я мечтал, чтобы кто-то пришел и снял это проклятие. Чтобы кто-то посмотрел на меня и не увидел чудовище. Чтобы кто-то просто... остался. И когда ты пришла и не закричала, я чуть не сошёл с ума от счастья. Потому что ты – первая за сотни лет, кто видит во мне не зверя.

Лия смотрела на него и видела – действительно видела – не дракона, не древнее создание, а мальчишку, который тысячу лет сидит один в темноте и ждет, когда кто-то зажжёт свет.

– Эйтан... – начала она.

Но он перебил, вставая и отворачиваясь.

– Нам нужно искать дальше. Если Серафима – твоя прародительница, мы должны узнать, что с ней случилось. И почему ты оказалась в деревне одна, без рода, без памяти.

Лия кивнула, проглатывая то, что хотела сказать. Не время. Не место. Сначала – правда.

Эйтан разворачивал один свиток за другим, читал вслух, комментировал. Лия слушала, впитывая информацию, и постепенно картина складывалась.

Серафима была уникалом – дочь дракона и смертной женщины. Она родилась в самом расцвете клана Лунных Драконов, за двести лет до проклятия. Ее воспитывали при дворе, учили магии, истории, языкам. Она была любимицей всего клана – живая, остроумная, добрая.

А потом случилась беда.

– Что за беда? – спросила Лия, видя, как Эйтан хмурится над очередным свитком.

– Здесь не сказано точно. – Он провёл пальцем по строкам. – «Серафима покинула чертоги в год Великой Бури. Причина неизвестна, но ходили слухи, что ее сердце разбито. Она ушла в мир людей и больше не возвращалась».

– Разбитое сердце? – Лия нахмурилась. – Из-за чего?

– Может, из-за кого. – Эйтан перебирал свитки. – Вот, смотри. Здесь упоминается имя – Кай. Безродный юноша из деревни, который работал в чертогах конюхом. Говорят, Серафима часто с ним разговаривала. А потом он исчез.

– Исчез?

– Умер. – Эйтан поднял глаза. – Несчастный случай. Сорвался со скалы. Или не сорвался. Летописи говорят осторожно, но намекают, что Кая убили.

– Кто?

– Те, кто не хотел, чтобы полукровка связалась с простым

смертным. – Эйтан отложил свиток. – В клане были и те, кто считал Серафиму угрозой. Слишком сильная, слишком необычная. Она нарушала порядок.

Лия почувствовала, как внутри закипает гнев. Она знала это чувство – когда тебя травят не за то, что ты сделал, а за то, кто ты есть.

– И что стало с ней?

– Никто не знает. – Эйтан развёл руками. – Она ушла и не вернулась. Через пятьдесят лет пришла ведьма и наложила проклятие. Клану стало не до поисков пропавшей полукровки.

– Пятьдесят лет, – задумчиво протянула Лия. – Достаточно, чтобы родить детей. Чтобы основать род.

– Ты думаешь, Серафима вышла замуж за человека и родила детей, которые унаследовали ее кровь?

– А почему нет? Если она была разбита горем, если ее любимого убили, она могла искать утешения в другом месте. В другой любви. В семье.

Эйтан смотрел на нее, и в глазах его разгоралось понимание.

– Тогда твоя кровь – прямая линия от Серафимы. Через поколения, через века. Она передавалась, ослабевая, но не исчезая. А когда ты родилась, что-то случилось – и кровь проснулась.

– Что могло случиться?

– Не знаю. – Эйтан покачал головой. – Может, сам факт

того, что ты пришла сюда. Может, близость Хаоса. А может, просто пришло время.

Они замолчали. Тишина в библиотеке снова стала давящей, наполненной шёпотами прошлого.

Лия смотрела на свитки, на имена, на даты, и вдруг поняла одну простую вещь: она не случайность. Ее жизнь, полная боли и унижений, – не бессмысленный набор страданий. Она – звено в цепи, тянущейся из глубины веков. И от того, что она сделает сейчас, зависит, оборвётся эта цепь или выдержит.

– Эйтан, – сказала она твёрдо. – Я хочу спуститься к Хаосу.

Он вздрогнул, словно его ударили.

– Что? Нет. Ты с ума сошла?

– Выслушай меня. – Лия встала, подошла к нему. – Он зовёт меня. Он хочет, чтобы я пришла. Значит, у меня есть рычаг. Я могу притвориться, что согласна, выведать, что ему нужно, найти слабое место.

– Или он сожрёт тебя в первый же миг.

– Может быть. – Лия пожала плечами. – А может быть, я успею. Ты сам сказал – моя кровь особенная. Он боится меня. Или хотя бы остерегается. Это даёт мне шанс.

– Слишком маленький шанс. – Эйтан схватил ее за плечи. – Слишком рискованно. Я не пущу тебя.

– Ты не можешь мне приказывать. – Лия смотрела ему прямо в глаза. – Я не твоя подданная. Не твоя жертва. Я –

свободный человек. И я выбираю идти.

Он молчал, сжимая ее плечи так, что становилось больно. В глазах его бушевало пламя – настоящее, живое, готовое вырваться наружу.

– Почему? – спросил он глухо. – Почему ты хочешь рисковать собой?

– Потому что, если я не рискну, погибнут все. – Лия положила ладони ему на грудь, чувствуя, как под пальцами бьётся сердце. – Твоя деревня, где меня никто не любил, но где есть дети, которые не виноваты в том, что их родители жестоки. Твой мир, который ты пытался защищать, даже будучи запертым в этой горе. И ты сам. Ты, кто тысячу лет ждал, когда кто-то просто скажет тебе, что ты не чудовище.

Эйтан смотрел на нее, и пламя в его глазах сменялось чем-то другим – влажным, человеческим, почти болезненным.

– Лия...

– Я не хочу умирать, – перебила она. – Я только начала жить. Только начала понимать, кто я. Только почувствовала, что такое, когда на тебя смотрят по-настоящему. Но если мой выбор – спрятаться здесь и ждать, пока Хаос сожрёт мир, или пойти и попытаться его остановить – я пойду. Потому что прятаться я умею. Всю жизнь только это и делала. Хочу попробовать другое.

Он молчал очень долго. Потом медленно разжал пальцы, отпуская ее плечи, и провёл ладонью по ее щеке. Прикосновение было горячим, почти обжигающим, но Лия не отстра-

нилась.

– Ты самая невероятная женщина, которую я встречал за тысячу лет, – тихо сказал он. – И, если ты идёшь, я иду с тобой.

– Нет, – покачала головой Лия. – Ты нужен здесь. Если я не вернусь, ты должен будешь найти другой способ. Предупредить людей. Сделать хоть что-то.

– Я не могу тебя отпустить одну.

– Ты не отпускаешь. Я уйду сама. – Она улыбнулась – впервые за долгое время легко, почти счастливо. – Но спасибо, что хотел пойти.

Эйтан смотрел на нее, и в глазах его было столько боли, что Лии захотелось обнять его и никогда не отпускать. Но она сдержалась. Сначала – дело.

– Как мне спуститься к нему? – спросила она.

– Есть туннели, – глухо ответил Эйтан. – Старые шахты, где драконы добывали руду. Они ведут глубоко вниз, почти к самому сердцу горы. В конце одного из них – врата. За ними начинаются владения Хаоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.